

БУДАПЕШТ — ВАРШАВА — ПРАГА *

Всего лишь на протяжении двенадцати лет, с 1956 по 1968 гг., мы были свидетелями, как население Венгрии, Польши и Чехословакии заявило о своем желании жить в свободном демократическом обществе. Выступление населения именно этих трех стран не случайно. После Второй мировой войны компартии Венгрии, Польши и Чехословакии пошли на серьезные уступки демократическим и социал-демократическим партиям, с которыми они в короткий послевоенный период сотрудничали в коалиционных демократических правительствах. Не случайно поэтому, что в Венгрии (в 1956 г.) и в Чехословакии (в 1968 г.) открыто высказывались требования восстановить традиции именно того послевоенного периода. В Польше же в те годы символом демократии стала личность Гомулки, вернувшегося к власти на волне польского Октября.

Помимо демократических традиций, мы наблюдаем в западной части Восточной Европы необыкновенную способность интеллигенции воздействовать на население, — в том числе и на коммунистов этих стран, — так как на западе Восточной Европы сохранилась историческая преемственность, благодаря которой интеллигенция все еще может "нести в народ" ценности, не признаваемые ленинизмом.

В этой работе мы не собираемся проводить исчерпывающий анализ событий 1956 и 1968 годов. Наша цель гораздо скромнее: выделить общие черты процессов, имевших место в Венгрии, Польше и Чехословакии в соответствующие годы.

В первую очередь необходимо отметить, что во всех странах Восточной Европы стремление к демократии неразрывно связано со стремлением урегулировать отношения с Советским Союзом, так как невозможно говорить о суверенных правах граждан, не решив предварительно вопроса государственного (национального) суверенитета. Вопрос отношений с СССР стоял на повестке дня как в Венгрии и Польше в 1956 году, так и в Чехословакии в 1968 году.

* Статья была напечатана в журнале „Svědectví“, № 56, 1978 г., издаваемом на чешском языке в Париже.

Кроме того, во всех трех странах в борьбе за демократию наиболее активное участие принимали те же слои населения; выдвигались, в основном, аналогичные требования и цели; возникали те же препятствия. И во всех трех странах попытки создать более демократическое общество, к сожалению, не увенчались успехом.

Рассмотрим подробнее, что же происходило в Венгрии и в Польше в 1956 году и в Чехословакии в 1968 году.

1. Во всех трех странах первыми с требованиями демократизации выступили работники партаппарата. Правда, выступали они только за "внутрипартийную демократию".

2. Во всех трех странах импульс исходил от интеллектуалов. Они же определяли направление процесса демократизации.

Интеллигенция этих стран находилась в те годы в довольно привилегированном положении и могла позволить себе многое. Мы уже говорили, что на западной окраине советской империи интеллигенция не порвала уз с прошлым и благодаря этому могла воспитать молодое поколение (и даже некоторых коммунистов) в духе ценностей, официально не признаваемых ленинизмом.

3. С течением времени во всех трех странах движения протеста становились более радикальными. Вначале выдвигались требования внутрипартийной демократии, то есть демократизации партийной жизни; позже можно было уже услышать требования гражданских свобод, и в конце концов — требования политического плюрализма.

Правда, восстановлена многопартийная система была только в Венгрии (в 1956 году), но сама логика "Пражской весны" предопределяла ликвидацию монопольной власти коммунистов, а в Польше в октябре 1956 года открыто говорилось о необходимости ограничения абсолютной власти компартии.

4. Ни в одной из этих стран во время событий 1956 и 1968 гг. не было выдвинуто требование нового упорядочения общественных отношений, требование полного восстановления частного предпринимательства. Опубликованные в этих странах политические программы колебались между децентрализацией плановой экономики и внедрением "подлинно общественной" формы собственности, то есть такой формы собственности, которая обещала бы определенной степени автономии.

5. Ни в одной из этих трех стран в процессе борьбы за демократию не возникли политические, экономические или культурные институты, которые были бы способны пережить восстановление советской гегемонии (после поражения демократических движений) и действовать наряду с правящей коммунистической партией.

6. И, наконец, последнее сходство, которое мы наблюдаем, сравнивая события в Венгрии, Польше и Чехословакии, и, по нашему мнению, наиболее существенное: независимо от того, носило ли движение за демократизацию господствующей в стране системы радикальный или умеренный характер, независимо от того, проходил ли процесс демократизации в рамках существовавших в стране законов или с применением насилия; независимо от того, стремилось ли это движение к исправлению существующего в стране положения или к серьезным реформам — во всех этих странах демократическое движение было подавлено.

Перечень сходных черт не ограничивается, однако, приведенными выше шестью пунктами.

Рассмотрим более подробно перечисленные в пункте 3 требования: от внутрипартийной демократии — к плюралистической политической системе. Эти требования выдвигались постепенно, и, нам думается, что в последовательности их выдвижения можно проследить четыре этапа:

1. *Выступления в защиту внутрипартийной демократии.* На этом этапе выдвигаются требования демократизации методов партийной работы, открытой дискуссии, демократизации выборов, ослабления секретности и т.д.

2. *Выступления за соблюдение гражданских прав.* На этом этапе население как бы вновь открывает такие ценности, как свобода слова, свобода собраний, и либо требует легализации этих свобод, либо осуществляет их явочным порядком. Кроме того, на этом втором этапе общественные организации и средства массовой информации стараются освободиться от абсолютного контроля правящей партии (хотя на словах ведущая роль партии не ставится под сомнение). На этом же этапе восстанавливаются ценности, о которых умалчивает официальная идеология — патриотизм, религия, неприкосновенность личности. На этом же втором этапе некоторые люди начинают подступать к

идее независимого, — а тем самым бесклассового, — судопроизводства. Эта идея принимает форму требования реабилитации невинно осужденных жертв сталинских репрессий.

Следует отметить, что переход от первого этапа ко второму осуществляется не автоматически. Огромную роль при этом играет интеллигенция. На первом этапе, по существу выступая за демократические требования, интеллигенция нередко использует положения ленинизма, которые могут подкрепить ее требования. Такие действия интеллигенции достигают успеха при условии, если, опираясь на свой *моральный* авторитет, она оказывается способна противостоять *политическому* авторитету власти. И очень важно, чтобы хотя бы несколько всеми уважаемых интеллектуалов проявили гражданское мужество, так как от их поведения зависит, насколько удастся нейтрализовать страх и послушание остальных. Только в таком случае наступает переход с первого этапа движения за демократизацию ко второму. Если же сопротивление властей оказывается в данный момент слабым, то после первого этапа демократических выступлений может сразу наступить третий.

3. *Требование автономии групп и общественных организаций.* От предыдущих этот этап отличается тем, что тут уже отрицается право партии ленинского типа контролировать все области общественной жизни. На этом этапе различные общественные группы начинают требовать права на автономию (пусть частичную), выступать против идеологии и практики всеобъемлющей партии-государства. Стремление отдельных групп общества к автономии, общее для всех трех стран, в каждой из них проявилось иначе. В Польше в 1956 году подчеркивалась необходимость создания таких законных органов управления, которые действовали бы наряду с компартией, при сохранении руководящей роли последней. В Чехословакии в 1968 году стремились к восстановлению законности, к созданию независимых от компартии органов следствия, суда и наказания, к созданию независимых профсоюзов и т.д. Венгрия в 1956 году добилась независимости — правда, всего на несколько недель, но за это время были созданы рабочие советы и революционные комитеты. Центральный совет рабочих Будапешта на протяжении этих нескольких недель был серьезным соперником венгерского правительства.

4. *Плюрализм.* Это четвертый этап — вершина, главная цель, к которой направлена демократизация Восточной Европы — не был окончательно завершен ни в одной из трех стран. Но все же контуры плюрализма обозначились в каждой из них. Плюрализм предполагает либо многопартийную систему, либо корпоративную, когда, наряду с правящей партией, действуют органы самоуправления, как, например, рабочие советы. В Венгрии за несколько дней до подавления легальной фазы революции (до начала вооруженных действий) правительство, совместно с президентом венгерской партии трудящихся, сообщило о восстановлении многопартийной системы, и общественность Венгрии восприняла это решение как самую важную победу в борьбе за демократию. В трудные для венгерской революции дни решение это восстановило единство нации.

Всеподавляющее присутствие Советского Союза в Центральной и Восточной Европе вынуждает нас отказаться от дискуссии о шансах установления *демократии* в странах этого региона и заняться вопросом о возможностях *демократизации коммунизма*. Об Имре Наде и Александре Дубчеке сделать окончательные выводы трудно: попытки реформ, предпринятые под руководством этих политических деятелей, были подавлены извне. Но зато опыт правления Гомулки и Кадара позволяет проследить, что происходит с процессом демократизации, когда известные реформы предпринимаются руководителями, которые признаны и утверждены Кремлем.

После Октября Гомулке удалось реализовать в Польше почти все, чего хотел в Венгрии Имре Надь в 1953-1954 гг., то есть еще до революции 1956 года. Кадар же установил границы, которые, вероятно, не должен был бы переходить Дубчек в период "Пражской весны".

Но как бы там ни было, опыт Польши и Венгрии дает исчерпывающий ответ на наш вопрос. Польша — как образец "границы неустойчивости", до которой способен дойти коммунистический режим, сохраняя свое господство. Венгрия же — как образец той степени терпимости, которую может позволить себе коммунистический режим, не утрачивая при этом прочности. Контраст между этими странами весьма выразителен и поучителен. В обеих странах гражданские свободы более или менее соблюдаются, — по крайней мере, соблюдаются больше, чем при

других коммунистических режимах. Но если в Польше гражданские свободы сохраняются за населением потому, что постоянно существует угроза взрыва общественного недовольства, то в Венгрии они существуют несмотря на то, что на протяжении ряда лет руководящая роль компартии не встречает сколько-нибудь заметной оппозиции. Правда, "потолок" прав и свобод венгерского населения определен при этом достаточно строго.

Чем же объяснить такое различие?

Терпимое отношение режима Кадара к некоторым гражданским свободам и так называемой консультативной демократии (мы имеем в виду использование экспертизы специалистов при принятии решений) уходит корнями в события 1956 года. Обе стороны — правящая и управляемая — извлекли из трагедии этого года урок. Власть осознала, что без конца закручивать гайки невозможно, а народ признал, что Советский Союз согласился соблюдать предложенные правительством правила игры (венгры, кстати, относятся к своим руководителям скорее как к посредникам, чем как к угнетателям).

Итак, возможна ли демократизация коммунизма, может ли коммунистическое правительство допустить более широкое участие граждан в политической жизни, проявить большую степень терпимости? Нам думается, что *может*, но при условии, что граждане будут постоянно давить на власть имущих и что создастся опасность взрыва общественного недовольства. Тогда и только тогда власть пойдет на некоторые уступки, но при этом в границах, очерченных Польшей и Венгрией.

Эти границы определены: сохранение руководящей роли компартии. Правда, понятие "руководящая роль партии" довольно эластично. Под давлением внешних и внутренних факторов смысл его меняется. Эти факторы: настойчивое требование прав и свобод со стороны общественности и наличие готовой прислушаться к требованиям общества группы среди власть имущих. Оба эти фактора должны действовать одновременно.

Мы согласны с теми, кто, — как и Колаковский, — признает попытки реформ "недоразумением". Думать, что в странах с коммунистическими правительствами их гегемония может стать предметом обсуждения, так же нелепо, как надеяться установить

в этих странах демократию, не столкнувшись с гегемоном. И все же тут надо сделать две оговорки.

Во-первых, со временем такое "недоразумение" все же может случиться.

Во-вторых, в определенный момент могут сложиться необычные, — точнее, ненормальные, — условия, как, например, после трагического венгерского эксперимента в 1956 году, когда обе стороны, тяжело ранив друг друга, готовы на компромисс. Равновесие такого рода, разумеется, очень неустойчиво. Оно предполагает либо постоянное наличие в стране накаленной обстановки (как в Польше), либо высокую сознательность населения (как в Венгрии). В определенный период такое равновесие может быть из ряда вон выходящим, в другой — может стать правилом. Тридцать лет советского господства преподали народам Восточной Европы хороший урок, приучили их довольствоваться малым.

"Кадаризация", быть может, произойдет не только в Венгрии.

Напрашивается еще один вопрос: почему коммунисты так упорно защищают свою монополию на власть, почему они не демократы? Ответ может показаться чересчур простым, но им определяются прогнозы будущего коммунистических режимов.

Ответов, собственно, уже великое множество. (И не мудрено: ведь вопрос стоит начиная с 1917 года.) Говорят о наследии азиатского деспотизма, о том, что абсолютная власть и развращает абсолютно, говорят о замкнутом круге, в который попадает силой захватившее власть меньшинство; говорят, разумеется, и о трудностях, с которыми в процессе модернизации сталкиваются остальные страны; говорят об отсутствии демократических традиций, о склонности революционной власти применять простые и быстродействующие методы, об отвращении марксистов к формальному праву и т.д. и т.п. Во всех этих ответах есть доля правды, но ни один из них не дает ключа к загадке, что именно отталкивает коммунистов от демократии?

Задавая вопрос "Почему коммунисты не демократы?", мы не имеем в виду эгалитарную концепцию демократии, демократию равных. Под демократией мы подразумеваем признание, что решение общественных вопросов, как и реализация этих решений, опирается на постоянно возобновляемый договор между отдельными лицами и обществом в целом.

Под демократией мы подразумеваем "открытое общество", будущее которого не предопределено. Такое определение демократии позволяет ответить на поставленный вопрос. Ленинское неприятие демократии рождено неприятием обязательства постоянно возобновлять общественный договор, так как у ленинизма свое видение истории, будущее в нем предопределено. С точки зрения такой концепции, сама идея демократического общественного договора, — то есть идея власти, обусловленной временем и согласием общества, — представляется абсурдом. Демократия становится недопустимой принципиально, так как коммунисты не могут позволить, чтобы выбор поставленной цели, выбор общественных институтов и политической системы, как и выбор руководящих кадров, основывался на компромиссах.

Однако, даже из этого железного правила коммунизма бывают исключения и отклонения; компромиссы по определенным вопросам и на определенное время вероятны и в странах реального социализма. И что еще может случиться в той или иной стране с коммунистическим правительством — не предопределено.